

ПОЛЕЗНОЕ ПРОШЛОЕ

Партнер проекта

**ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ**

ВИТАЛИЙ ТИХОНОВ

ПОЛЕЗНОЕ ПРОШЛОЕ

ИСТОРИЯ
В СТАЛИНСКОМ СССР

Новое
Литературное
Обозрение

2024

УДК 930(091)(47+57)«193/195»

ББК 63.1(2)61

Т46

Редактор серии Д. Споров

Исследование подготовлено автором при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-18-00303 по теме «Советский исторический нарратив: содержание, акторы и механизмы конструирования»

Тихонов, В.

Т46 **Полезное прошлое: История в сталинском СССР / Виталий Тихонов. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 368 с.: ил. (Серия «Что такое Россия»).**

ISBN 978-5-4448-2150-3

Контроль над прошлым в сталинское время был одним из важнейших способов манипуляции общественным сознанием и мобилизации масс. Используя исторические аллегории в качестве идеологического инструмента, пропаганда с их помощью объясняла зрителю или читателю текущую политическую ситуацию и создавала так называемое полезное прошлое — неисчерпаемый ресурс для поддержания власти вождя. Книга Виталия Тихонова исследует сложные отношения, которые установились между сталинским режимом и исторической наукой. Автор рассказывает о том, как Сталин читал исторические труды, воспринимал историю и вмешивался в производство научного знания, а также о роли исторических юбилеев и культе исторических героев в идеологии. Значительное внимание в работе уделено и профессиональным ученым, оказавшимся заложниками эпохи, — их месту и роли в исторической политике. Книга призвана ответить на вопросы, как была устроена эта своеобразная «историографическая вертикаль власти» и как идеологические кампании и дискуссии меняли концептуальный облик советской исторической науки. Виталий Тихонов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, специалист по социальной истории науки, институциональной истории и истории исторической науки XX века.

УДК 930(091)(47+57)«193/195»

ББК 63.1(2)61

В оформлении обложки использован кадр из к/ф «Иван Грозный» (режиссер и автор сценария С. Эйзенштейн, операторы Э. Тиссе, А. Москвин), 1944 г.

© В. Тихонов, 2024

© У. Агбан, иллюстрации, 2024

© Д. Черногаев, дизайн серии, 2024

© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Историческая наука и советская власть в 1920–1940-е годы	19
Сталин читает исторические труды и смотрит историческое кино	57
Сталин читает исторические труды	57
Сталин смотрит историческое кино	73
Сталин редактирует историю партии	81
Сталин и школьные учебники истории	99
Учебники по новой истории	125
Культ исторических героев: Иван Грозный и Петр I	143
Сталинская юбилеямания	159
Революция по-сталински	161
Пушкинский юбилей во время Большого террора	177
Юбилей Сталина	183
800-летие Москвы	189
Сталинская премия для историков	193
Между наукой и идеологией	193
Неврученная премия	252
Как «маленькие люди» творили большую историю	261
Идеологические кампании позднего сталинизма	293
Идеологические кампании как форма контроля исторической науки	293
Сидоров vs Минц	309
Идеологические дискуссии позднего сталинизма	333
Языковедческая дискуссия 1950 года	333
В поисках курско-орловского диалекта древнерусской народности	341
Как Крым был присоединен к древнерусской истории	351
Заключение	360
Краткая библиография	366

ВВЕДЕНИЕ

Сразу после смерти Сталина историк, доцент МГУ С. С. Дмитриев записал в своем дневнике: «Великая, гигантская эпоха это тридцатилетие: она всем наполнена, и больше всего Сталиным». Действительно, огромная страна прошла значимый исторический отрезок своего развития в тени вождя, чья личность наложила отпечаток на все сферы жизни. Разумеется, история не стала исключением. Когда мы говорим о сталинской эпохе, мы не можем игнорировать вопрос манипуляции историческим знанием, превратившемся в руках диктатора и его сподвижников в важный инструмент утверждения власти, управления общественным сознанием и мобилизации масс.

Как тут не вспомнить знаменитый лозунг из антиутопии Дж. Оруэлла «1984»: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым». Знание о прошлом превратилось в культурную технологию управления, поэтому сталинизм — это еще и сталинская историческая идеология, то есть система образов прошлого, ставших идеологемами, усилия пропаганды по их внедрению и специфические механизмы утверждения нужных власти представлений о прошлом, необходимого в первую очередь для утверждения статуса самого Сталина. Историзация стала одним из основных

идеологических методов сталинской пропаганды, а историческая аллегория — ее основным приемом. При помощи исторических образов зрителю или читателю объяснялась текущая политическая ситуация, а тот, в свою очередь, видел в образах Ивана Грозного, Петра Великого самого Сталина. Так создавалось «полезное прошлое», рассматривавшееся в качестве неисчерпаемого ресурса для идеологии и поддержания сталинского режима.

Разумеется, само понятие «полезное прошлое» советскими идеологами не использовалось. Его изобретателем считается американский литератор и историк культуры В. В. Брукс, который на излете Первой мировой войны призывал американцев создать собственное «полезное прошлое», «живительное» и способствующее процветанию Америки.

Таким образом, инструментализация истории (в данном случае я буду говорить не только об исторической науке, но и о массовой исторической культуре и политике памяти) не является признаком исключительно сталинского СССР или какого-то другого конкретного режима. Подобные элементы можно обнаружить в любой политической системе, даже вполне плюралистичной и демократической. Однако в СССР 1930–1940-х годов в условиях монополии власти и почти полного отсутствия альтернативных источников информации историческая политика становилась весьма эффективной. Обращение к прошлому стало важной формой легитимации власти и ее достижений, реальных и мнимых.

Почему идеология сталинизма такое внимание уделяла прошлому? На этот вопрос есть ряд ответов. При жизни Сталина поворот в идеологии объясняли по-разному, в том числе и в зависимости от собственных политических позиций. Так, его главный оппонент Лев Троцкий писал о контрреволюционных процессах, «преданной революции» и бюрократизации в сталинском СССР, вылившихся в помпезные псевдоисторические формы культуры. Русский эмигрант Николай Тимашев, в 1946 году выпустивший книгу «Великое отступление», связывал этот процесс с националистическими симпатиями вождей партии, крахом к началу 1930-х годов надежд на мировую революцию и появлением нацистской угрозы.

В знаменитой книге культуролога Владимира Паперного «Культура Два» это объясняется глобальным движением социально-культурных структур советского общества, переходом от ориентированной на будущее «культуры 1» (авангард 1920-х) к консервативной «культуре 2» 1930-х годов, обращенной в мифологизированное и монументальное прошлое. Безусловно, такой подход хорошо фиксирует сам процесс и некие фундаментальные закономерности развития отечественной культуры, но плохо отражает конкретные исторические механизмы, приведшие к такому результату.

Американский историк Дэвид Бранденбергер рассматривает сталинскую политику памяти как конструирование сложных, идеологически перегруженных нарративов, сочетающих образы дореволюционного

прошлого, революционные символы и лозунги, а в центре всего помещающих фигуру самого Сталина. Бранденбергер использует понятие «полезного прошлого», указывая на утилитарность сталинской идеологии. Российский историк Александр Дубровский также подчеркивает прагматический характер обращения идеологов к исторической тематике. Андрей Юрганов писал о своеобразной метафизике сталинизма в культуре и общественных науках. Сутью этого явления стал механизм идеологического манипулирования и контроля, заключающийся в том, что только Сталин в конечном счете определял соответствие «истине».

Все сходятся в одном: историческая наука стала заложником идеологии и ее служанкой. Значит ли это, что историки и литераторы просто выполняли идеологический заказ? Ответ будет утвердительным, но требующим множества оговорок. Во-первых, идеология власти трансформировалась под давлением обстоятельств, что создавало довольно запутанную ситуацию, когда одни установки наслаивались на другие. Многие официальные положения противоречили друг другу, что позволяло использовать эти противоречия в исторических дискуссиях. Во-вторых, власть часто сама не имела четкого представления о требуемом конечном результате. Отсюда многочисленные более или менее открытые дискуссии, обсуждения вопросов, в том числе приглашения ученых и деятелей культуры в ЦК. Идеологи напоминали купцов на ярмарке, которые ходили по рядам и выбирали

из предлагаемых им товаров тот, который придется по душе. Разумеется, будучи единственными покупателями, они определяли то, какой вид товара им нужен, каковы параметры его качества и стилистика. Историки и деятели культуры оказывались пусть и в подчиненном положении, но обладали определенной свободой действия и творческого маневра. При этом могло случиться и так, что отвергнутый аппаратом ЦК товар приглянется самому Сталину. В-третьих, многими сферами науки идеология просто не интересовалась, они не считались актуальными.

В целом советская система подтвердила тот простой факт, что в условиях концентрации власти и ресурсов в руках государства, партии или конкретного человека говорить о плюрализме уже невозможно. В унифицированной системе ученые волей-неволей становятся слугами режима. Известный советский историк А.А. Зимин, лучшие годы которого пришлось на более спокойное и свободное послесталинское время, признавал:

Ученые нуждаются в... средствах познания (деньги, лаборатории, пресса и т.д.), которые делают их слугами государства, держащего в своих руках распределение материальных благ... писать работу, как правило, у них означает писать работу, чтоб она ими же была издана. В целом это так — жизнь есть жизнь. История — профессия, она кормит и поит. Но такой утилитарный подход имеет серьезную опасность. Автор привыкает

к требованиям издателя, начинает продавать не только рукопись, но и вдохновение. У него вырабатывается самоцензура, ослиная шкура, которая прирастает к его телу.

Когда мы говорим о производстве исторического знания (воспользуюсь этим не очень лирическим термином, хорошо отражающим индустриальный характер эпохи и ее идеалы), следует иметь в виду, что здесь выстроилась сложная властная пирамида. Во главе ее находился, разумеется, Сталин. Именно он обладал «абсолютным» знанием, определяя то, что является истиной или «фальсификацией истории». Именно высказывания вождя и его тексты оказывались теми кирпичами, на которых строилась историческая политика в СССР. Важно, что Сталин мог интерпретировать и тексты классиков марксизма. От его интерпретаций зависела актуализация тех или иных высказываний и их контекст. Объявив себя верным ленинцем, он никогда публично не оспаривал высказывания своего учителя, но вот Ф. Энгельсу повезло меньше, и его представления о России подвергались публичной критике. Сталин, с одной стороны, был догматичен, но, с другой, умел приспособлять революционные теории и наследие классиков марксизма к актуальным потребностям той системы власти, которую он во многом создал и олицетворял.

Особую роль в руководстве «историческим фронтом» играли «сталинские указания». На деле они часто звучали туманно, но всегда были «исчерпыва-

ющими». Один из руководителей советской исторической науки Анна Панкратова писала: «Без знания этих указаний не может обойтись ни один историк, какой бы эпохой и какими бы конкретными вопросами он ни занимался». Имея мифические «исчерпывающие» указания, историки тем не менее совершали ошибки. Объяснялось это только тем, что они либо что-то не поняли, либо сознательно проигнорировали. Последнее уже квалифицировалось как саботаж и вредительство. «Сталинские указания» были сродни приказам гениального полководца, ведущего свои войска от победы к победе: «Сталинские указания, касавшиеся как общеметодологических проблем, так и отдельных конкретных вопросов истории, стали основой решительного перелома на фронте исторической науки».

Значительный интерес представляет и язык Сталина, воплощенный в том числе в главных для историков директивных текстах и выступлениях. В семиотике, науке о знаковых системах, принято выделять естественный и искусственный языки. Искусственный язык разрабатывается учеными специально для того, чтобы сформировать универсальные непротиворечивые термины, понятия и категории, исключющие или минимизирующие двоякое толкование. Сталин всегда предпочитал естественный язык, подразумевающий различные интерпретации и восприятия. Он любил пошутить, съехидничать, но так, чтобы после этого объекту шутки стало не по себе. Этим частично можно объяснить и особую любовь

диктатора к истории, где терминология значительно проще и неопределеннее по сравнению даже с другими гуманитарными дисциплинами. Помимо того, что самого Сталина можно обвинить в недостаточной образованности (его образование не носило систематического характера, хотя он и занимался интенсивно самообразованием), популизме, эта любовь объясняется и тем, что в естественном языке проще подстраивать смыслы под собственный дискурс, трансформировать их, в нужный момент показывая, что имелось в виду совсем не то, что усвоили слушатели или читатели. Такая позиция позволяла играть роль единственного интерпретатора.

Сталинское вмешательство в производство исторического знания хоть и носило регулярный характер, все же было ситуативным. Некоторые указания противоречили друг другу, особенно если их сравнивать на длительном временном отрезке. А главное — Сталин не мог дать указания абсолютно по всем вопросам, поэтому представления о тотальном контроле над историей являются сильным преувеличением. Оставалось много концептуальных и фактографических «пустот», на которые не пал взор генерального секретаря. С одной стороны, это создавало ситуацию неопределенности для историков («Что писать?!»), но с другой — оставляло пространство для относительно самостоятельного исследования.

Однако не Сталиным единым определялось развитие исторического знания. Самые влиятельные партийно-государственные деятели также могли

вмешиваться в процесс. Более того, Сталин предпочитал, особенно в 1930-е годы, представлять свою позицию как коллективное решение партии.

В СССР середины XX века ведущие ученые воплощали компромисс между наукой и властью. Сформировалась система (правда, ее зачатки можно обнаружить еще в дореволюционное время), в которой в каждом направлении исследований существовал один лидер, «генерал от науки». В исторической науке было несколько центров притяжения: Б. Д. Греков, И. И. Минц, В. В. Струве, А. М. Панкратова и т. д. Фактически это являлось проекцией на науку однопартийной советской политической системы. Лидеры выполняли ряд важнейших функций. Во-первых, контролирующую, поскольку их задачей было следить за состоянием вверенного им участка «исторического фронта». Во-вторых, они оказывались связующим звеном между партийными органами и сообществом ученых.

Ниже находились рядовые историки, не обремененные административными должностями. Именно на долю этих «рядовых исторического фронта» выпадало решение основных задач. Среда советских историков 1920–1940-х годов была неоднородна. Одной ее частью были так называемые историки «старой школы», то есть ученые, окончившие еще дореволюционные университеты и сделавшие себе имя в науке еще до «эпохи исторического материализма». Их рассматривали как «старых специалистов» («спецов»), обладавших лоском европейской науки

и культуры, необходимых большевикам на первых этапах становления нового общества, его науки и образования. Их оппонентами являлись так называемые историки-марксисты, то есть те, кто открыто манифестировал свою приверженность марксизму в его правильном, большевистском понимании (что бы это ни значило в каждый конкретный момент). Как правило, это были представители уже молодого поколения, члены партии, которые, согласно большевистской идеологии, должны были совмещать науку и практическую деятельность по реализации политики партии, причем в разных направлениях, вплоть до сельского хозяйства.

Властная пирамида не работала как часы. Сигналы, идущие сверху, из-за их неопределенности и отрывочности специфически преломлялись в нижних ярусах, порождая дискуссии об их содержании и области применения. Власти, что вообще было типично для той эпохи, предпочитали давать только общие указания, оставляя свободу решения многочисленных конкретных вопросов непосредственным исполнителям.

Едва ли не главным инструментом утверждения «правильного» взгляда на историю являлись идеологические кампании. Под этим понимается интенсивная серия мероприятий власти, нацеленных на утверждение нужных идеологических постулатов. На протяжении всех 1920-х — начала 1950-х годов масштабные идеологические кампании являлись частью обыденной жизни.

Предлагаемая книга не только об исторической идеологии сталинизма, но и о людях, которые ее творили или были вовлечены в этот процесс: о самом Сталине, его сподвижниках, писателях, кинорежиссерах и собственно историках.

Эту книгу я посвящаю своим дочкам — Марине и Алисе — с надеждой, что прошлое никогда не отнимет у них будущего.

